

ИСТОРИЯ

УДК 94 (571.1) "1949/1953"

E.C. Генина

НАСТУПЛЕНИЕ НА ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ (1949–1953 гг.)

Отражается одно из проявлений кампании по борьбе с космополитизмом в Западной Сибири. Выявлены формы наступления на инженерно-технических работников региона: контроль за составом кадров, «чистка» кадров, репрессии. Наиболее ярким примером служит «дело КМК» (1949–1952 гг.).

Ключевые слова: космополитизм; инженерно-технические работники; Западная Сибирь.

Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР, последовавшая в 1949–1953 гг., затронула все социально значимые слои интеллигенции. При этом составляющей стало наступление на инженерно-технических работников. Его отдельные моменты в Западной Сибири уже находились в поле зрения историков. Итоги преследования инженерно-технических работников Кузнецкого металлургического комбината воссозданы в монографии Г.В. Костыренко [1. С. 626–628]. Вехи «дела КМК» обозначены в диссертационных исследованиях И.А. Чуднова и А.В. Горбатова [2. С. 90–93; 3. С. 57–61]. Сюжеты «дела КМК» в контексте борьбы с космополитизмом в Кузбассе фигурируют в монографии автора данной работы [4. С. 11–41]. Одной из особенностей контроля местных властей за ИТР Алтая в начале 1950-х гг. коснулся Г.Н. Безруков [5. С. 219–220]. Этот же аспект темы, но в период «дела врачей», представлен С.М. Деминой [6. С. 355–356]. Преследования ИТР Томска затронуты в документальных очерках, подготовленных журналистом В.Д. Юшковским [7. С. 110–115]. Таким образом, к настоящему времени заявленная тема не нашла отражения в исследовании обобщающего характера. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы центральных архивов и архивов Западной Сибири позволяют выявить специфику наступления на инженерно-технических работников региона в период борьбы с космополитизмом.

Официальное начало кампании по борьбе с космополитизмом пришлось на январь 1949 г. 28 января 1949 г. «Правда» поместила редакционную статью «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Всей стране стали известны имена И. Юзовского, А. Гурвича, А. Борщаговского, Л. Малюгина, Е. Холодова, Я. Варшавского, Г. Бояджиева. Их обвинили в дискредитации передовых произведений советской литературы и искусства, объявили носителями «бездонного космополитизма», противостоящего национальной гордости и патриотизму [8]. Данные установки послужили сигналом не только к очередной идеологической кампании сталинского режима, но и к наступлению на представителей интеллигенции (творческих работников, преподавателей вузов, инженерно-технических работников, врачей). Остро встал вопрос о кадрах, сформулированный как «подбор, расстановка и воспитание кадров». Кадры следовало проверять на «деловые и политические качества». Зачастую этому сопутствовала и «проверка национальности».

В новых условиях показательным выступило «дело КМК», сфабрикованное в Сталинске Кемеровской области (ныне – Новокузнецк). Согласно его сценарию ряд ответственных работников Кузнецкого металлургического комбината им. И.В. Сталина оказался причастным к «нелегальной еврейской синагоге». С началом борьбы с космополитизмом внимание местных властей привлекла незарегистрированная еврейская община, созданная в 1942 г. прибывшими в город эвакуированными из западных районов страны. В послевоенный период ее деятельность, как и прежде, заключалась в отправлении религиозных обрядов, собирались деньги в помощь евреям, в том числе вышедшим из заключения или семьям арестованных. В конце 1940-х гг. еврейская община направила от имени более чем 70 активных членов делегацию в Москву для приветствия первого посла Израиля в СССР Г. Меир. Сталинский городской отдел МГБ с 1942 по 1948 г. проводил наблюдение за синагогой, но ничего «контрреволюционного» не выявил. В ноябре 1949 г. ее существование в квартире И.Б. Раппопорта, возглавлявшего общину, «обнаружили» Молотовский райком ВКП(б) и Молотовский райисполком Сталинска. Райисполком 22 ноября 1949 г. вынес решение о «закрытии». Райком информировал Сталинский горком ВКП(б) о связях с синагогой шести членов партии, пятеро из которых работали на КМК. С апреля 1950 г. горком ВКП(б) рассматривал персональные дела коммунистов, причастных к синагоге, и пришел к выводу, что «синагога была только ширмой буржуазно-националистической еврейской организации» [1. С. 627; 9. Л. 47, 53–55].

Связанными с синагогой на КМК оказались: С.З. Аршавский – начальник финансового отдела, Б.Д. Надот – начальник отдела снабжения, А.Я. Уральский – старший инженер отдела главного механика, А.Я. Дехтар – начальник отдела технического контроля, Г.Ш. Зельцер – начальник планового отдела, Я.Г. Минц – заместитель директора, С.Е. Либерман – главный прокатчик, М.М. Эпштейн – начальник цеха КИП и автоматики, Я.С. Пинус – старший инженер цеха КИП и автоматики, И.С. Хавкин – заместитель начальника сортопрокатного цеха, И.Н. Юдкин – начальник углеподготовки коксового цеха, У.А. Сирота – обермастер коксовых печей, В.Я. Гольдман – начальник электросталеплавильного цеха, М.А. Людковский – начальник смены того же цеха, Н.Г. Гибель – начальник

шихтового двора того же цеха, Л.Я. Уральский-Троцкий – начальник отдела оборудования и др. Все они понесли партийную ответственность в ходе рассмотрения личных дел на заседаниях бюро Сталинского горкома ВКП(б) в апреле 1950 – марте 1951 г. Однако синагогу посещали не сами ответственные работники, а их пожилые родители и родственники [4. С. 18–21, 102–108].

Производственные связи работников КМК послужили основой для обвинений во вредительстве на металлургическом гиганте. Городел МГБ «выявил» факты «антисоветской практики», проводившейся главным прокатчиком С.Е. Либерманом и начальником ОТК А.Я. Дехтярем. Если С.Е. Либерман умышленно способствовал сдерживанию перевыполнения производственных планов многими основными цехами комбината, то А.Я. Дехтярь не вел борьбу с изготовлением бракованной продукции. Совместными усилиями они вынуждали заводы-потребители получать брак с КМК [9. Л. 48–49об.].

В сложившихся обстоятельствах 19 сентября 1950 г. заседание бюро Кемеровского обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О недостатках и ошибках в подборе и расстановке руководящих кадров на Кузнецком металлургическом комбинате». Директора предприятия Р.В. Белана, получившего строгий выговор, обязали исправить допущенные ошибки, навести порядок с кадрами, укрепить производство «политически проверенными и подготовленными в деловом отношении работниками» [10. Л. 31].

К декабрю 1950 г. в результате проведенной на КМК массовой проверки и «чистки» кадров были подготовлены три списка работников предприятия. Судя по первому списку, решилась судьба 47 работников завоуправления и цехов, объявленных не заслуживающими доверия и не справляющимися со своими обязанностями. Из них были освобождены от исполнения своих обязанностей 24 чел., уволены по сокращению штатов 7, переведены на другие участки работы и понижены в должности 8, переведены на другие предприятия 2, уволены по собственному желанию – 3 чел., подано одно заявление об увольнении; в отношении одного человека вопрос рассматривался, и еще один не был уволен. В состав 47 «подозрительных» работников вошли 7 начальников подразделений завоуправления, 5 начальников цехов, 2 начальника лабораторий. Наряду с обвинениями производственного характера в списке № 1 фигурируют «темные пятна» в биографиях отдельных работников («опасное» социальное происхождение, наличие репрессированных родственников, связи с заграницей и т.п.) [11. Л. 4–39].

Второй список зафиксировал фамилии трех ответственных работников комбината, имевших «подозрительных» родственников. Двум из них были присущи и производственные недостатки. Их будущее должно было решиться в ближайшее время [11. Л. 40–44]. Исходя из третьего списка, предстояло проверить «политическую сторону и деловые качества» 180 рядовых инженерно-технических работников. Следует отметить, что в отличие от двух предыдущих последний список многонационален. В нем присутствуют русские, евреи, украинцы, представители других национальностей. В первых двух списках большинство составляют евреи [11. Л. 45–109].

Наиболее трагичными оказались судьбы семи человек, лишенных занимаемых должностей: заместителя директора КМК Я.Г. Минца, главного прокатчика С.Е. Либермана, начальника ОТК А.Я. Дехтяря, заместителя начальника производственного отдела С.А. Лещинера, начальника финансового отдела С.З. Аршавского, начальника планового отдела Г.Ш. Зельцера и начальника сортопрокатного цеха З.Х. Эпштейна. В сентябре – декабре 1950 г. они были арестованы местными органами госбезопасности [1. С. 627]. При этом фамилии «еврейских националистов» можно обнаружить в «Списке инженерно-технических работников комбината, переведенных на работу на другие предприятия за 1950–1952 гг.», подготовленном отделом кадров КМК. Согласно документу, в 1950 г. Г.Ш. Зельцер переведен на Песковский металлургический завод, С.Е. Либерман – на Нижне-Сергинский металлургический завод, Я.Г. Минц – на Алапаевский металлургический завод, З.Х. Эпштейн – на Верхне-Салдинский металлургический завод, в 1951 г. А.Я. Дехтярь – на Северский металлургический завод [12. Л. 41, 42, 43].

2 марта 1951 г. последовало постановление ЦК ВКП(б) «О работе Кемеровского обкома ВКП(б)», признавшее работу обкома неудовлетворительной. В нем, в частности, отмечалось, что факты серьезной засоренности руководящих кадров КМК политически сомнительными элементами были выявлены без участия обкома партии. В свете изложенного логичным выглядело заключение о производственных проблемах комбината, ставших следствием «недостатков хозяйственно-технического руководства» [13. Л. 4, 5, 8].

Арестованных работников КМК и разделившего их участь И.Б. Раппопорта этапировали в Москву и передали в распоряжение следственной части по особо важным делам МГБ СССР. К апрелю 1952 г. следствие завершилось [1. С. 627]. С 3 по 5 мая 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала «дело по обвинению группы еврейских националистов» и пришла к выводу о неудовлетворительном проведении предварительного следствия. Председатель Верховного суда СССР А.А. Волин и Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР А.А. Чепцов информировали И.В. Сталина о необходимости возвращения дела на доследование [14. Л. 38–40].

Новое заседание Военной коллегии состоялось 18 сентября 1952 г. Я.Г. Минц, С.Е. Либерман и С.А. Лещинер по ст. 58–1 «а», 58–7, 58–10 (ч. 2) и 58–11, А.Я. Дехтярь по ст. 58–7, 58–10 (ч. 2) и 58–11 УК РСФСР были приговорены к высшей мере наказания (расстрелу) и конфискации имущества. С.З. Аршавский, Г.Ш. Зельцер и З.Х. Эпштейн по ст. 58–7, 58–10 (ч. 2) и 58–11 УК РСФСР – к 25 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере с конфискацией имущества и с поражением в правах на пять лет. И.Б. Раппопорт по ст. 58–10 (ч. 2) и 58–11 УК РСФСР осужден к 10 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на пять лет и с конфискацией имущества [15. С. 378–382]. Уголовное дело в отношении И.Б. Раппопорта прекращено постановлением пленума Верховного суда СССР от 3 сентября 1954 г. в отношении бывших работников КМК – определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 мая 1957 г. [15. С. 382–385; 16. Л. 127–127 об.].

В итоге «дело КМК» воплотило политические, идеологические и экономические моменты, отразило репрессивную сущность сталинского режима. Задействованный принцип «неправильного подбора, расстановки и воспитания кадров», с одной стороны, позволял оправдать экономические просчеты и неполадки, с другой – открывал дорогу обвинениям и устраниниям неугодных лиц.

Свидетельством «чистки» кадров явились и события на промышленных предприятиях Томска. В 1950–1951 гг. и первом квартале 1952 г. прошли увольнения «неблагонадежных» инженерно-технических работников. На электромеханическом заводе им. Вахрушева отстранили от работы 6 человек, на шарикоподшипниковом заводе № 5 – 15 человек, на заводе № 690 Министерства электропромышленности СССР – 6 человек, на энергокомбинате (государственные электростанции № 1, 2) – 6 человек. Несмотря на это, на апрель 1952 г. вновь имелись компрометирующие материалы на ИТР. На электромеханическом заводе – на 25 человек (из общего количества 330 работников), на шарикоподшипниковом заводе № 5 – на 33 человека (из 428 работников), на заводе № 690 – на 5 человек (из 238 работников), на энергокомбинате – на 30 человек (из 147 работников).

Управление МГБ по Томской области беспокоило наличие на предприятиях значительного числа спецпоселенцев, лиц, имевших близких родственников, репрессированных «за антисоветскую деятельность», людей, служивших в белых армиях, выходцев из социально-чуждой среды. Так, на электромеханическом заводе обнаружилось 5 власовцев, 9 немцев-спецпоселенцев, 9 человек, служивших в армии Колчака, 2 человека, исключенных из ВКП(б) за проступки политического характера. На шарикоподшипниковом заводе № 5 трудились 9 человек, бывших выходцев из социально-чуждой среды, 23 человека, имевших репрессированных родственников, и один человек, имевший судимость. На заводе № 690 работали: один выходец из социально-чуждой среды, 3 родственника осужденных, один немец-спецпоселенец. На энергокомбинат «Проники» 7 выходцев из социально-чуждой среды и 23 родственника репрессированных.

Местные власти держали под контролем всех людей, на которых имелись компрометирующие их материалы, в первую очередь – занимавших ответственные должности в производственной сфере. Должность главного конструктора электромеханического завода занимал Н.И. Шохор (был исключен из партии за скрытие социального происхождения, имел родственников в США). Начальником отдела труда и зарплаты того же предприятия являлся Е.И. Копельман («за преклонение перед иностранницей и клевету на советскую действительность исключен из членов ВКП(б) и демобилизован из Советской Армии»). Шлифовальный цех шарикоподшипникового завода № 5 возглавлял А.М. Беленький (происходил из семьи кулаков). Главным энергетиком завода был А.Г. Жук (имел «неблагонадежных» родителей). «Темные пятна» в биографии имелись у начальника цеха № 13 завода № 690 А.С. Инзеля (имел судимость и «неблагонадежного» отца). У начальника эксплуатационного отдела энергокомбината В.Т. Каталевского и начальника ремонтно-строительного цеха энергокомби-

ната В.Р. Калькина отцов репрессировали «за антисоветскую деятельность».

Следует отметить что помимо названных предприятий, «чистка» и проверка инженерно-технического персонала захватили в Томске электромоторный завод № 653, завод № 631 «Сибкабель», а также строительные организации. Неполные данные не позволяют объективно оценить масштабы происходившего на названных объектах [17. Л. 134–148].

Как явствует из изложенного выше, получил распространение контроль за составом кадров, связанный с наличием компрометирующих материалов на ИТР. Представляется очевидным, что в любой момент эти сведения могли стать основой для проведения кадровой «чистки» на предприятиях. Они имелись в региональных партийных органах, органах госбезопасности и незамедлительно могли быть задействованы по указанию «сверху». Для подтверждения обозначенной позиции обратимся и к событиям в Тюменской области. Здесь проверка кадров охватила территорию одного из районов.

24 января 1952 г. Березовский районный отдел МГБ направил в Тюменский обком ВКП(б) докладную записку «О засоренности организаций и культурно-просветительных учреждений района социально-чуждым и антисоветским элементом». Судя по документу, в районе присутствовала сложная ситуация с населением. На его территории проживали бывшие кулаки, ссыльные и высланные в количестве 1941 человека. Это составляло 11% от общей численности населения района (16602 человека). Но главное заключалось в том, что в основном они были заняты в лесной, рыбной и местной промышленности. Например, на Березовском рыбозаводе и стеклозаводе работали 80 человек ссыльных, высланных, бывших кулаков и осужденных «за антисоветскую деятельность». Они занимали должности начальников цехов, смен и участков, мастеров, бригадиров, приемщиков и счетных работников [18. Л. 25–36].

Зачастую проверки кадрового состава предприятий проходили и с целью контроля за «национальной составляющей». В феврале 1952 г. Алтайский крайком ВКП(б) направил в ЦК ВКП(б) докладную записку, отчетливо отражающую настрой местных властей. В докладной записке от 19 февраля 1952 г. шла речь о наличии компрометирующих материалов на 11 ответственных работников Алтайского тракторного завода (г. Рубцовск), не допущенных к секретным и совершенно секретным документам. Девять из них являлись евреями. Это А.Д. Эфрос (заместитель начальника ТЭЦ), А.Б. Корецкий (заместитель начальника транспортного цеха), С.А. Вепринский (начальник машинно-счетной станции), Л.П. Туревский (заместитель начальника инструментального цеха), Ш.И. Прейгерзон (главный металлург), А.М. Капулкин (заместитель начальника тракторосборочного цеха), И.А. Рубинштейн (и. о. главного инженера газогенераторной станции), А.А. Аркадьев (должность не указана), А.Б. Компаниец (заместитель начальника отдела сбыта). Еще двое – поляк и украинка. Это А.Г. Шимкович (старший контрольный мастер внешней приемки металла) и Л.В. Сторчакова (заведующая плановой группой отдела снабжения).

Особое внимание обратим на выдвинутые обвинения. В их числе, как правило, значатся проступки, со-

вершенные в прошлом (членство в еврейских организациях, исключение из ВКП(б) и т.п.), наличие «неблагонадежных» родственников (лишенных избирательных прав, осужденных, проживающих за границей, указанных в настоящем списке). Лишь четыре человека, фигурирующих в списке, придерживались «враждебных» взглядов. А.Д. Эфрос позволял себе «отдельные высказывания проамериканского направления». А.Б. Корецкий заявлял о недовольстве политикой партии и правительства, информировал знакомых о содержании передач радиостанции «Голос Америки». Он «высказывал националистические взгляды, восхваляя условия жизни в Америке, Англии и других капиталистических странах». А.А. Аркадьев «в узком кругу знакомых высказывал националистические взгляды». За А.Г. Шимковичем «чисились» антисоветские настроения, зафиксированные в письме к брату [19. С. 133–137; 20. Л. 13–17].

Но еще в сентябре 1945 г. группа работников завода «Алтайсельмаш» сообщала советскому руководству о проявлениях антисемитизма в Рубцовске. В письме говорилось об участившихся «антисемитских выпадах», связанных с избиениями и оскорблением евреев на рынке, в магазинах, в школах, в учреждениях и на предприятиях, на улице. По утверждению авторов, местные органы власти часто оставляли подобные поступки безнаказанными. Письмо завершалось призывом: «Мы больше не можем молчать! Атмосфера сейчас накалена, эксцессы нарастают с каждым днем, мы деморализованы и не в состоянии работать. Просим срочно прислать комиссию для расследования фактов, изложенных здесь, проверки реагирования на наши сигналы местных партийных и советских организаций» [15. С. 72–74].

Известен факт проверки на национальную принадлежность руководящих кадров Ново-Кемеровского химкомбината. 11 августа 1952 г. секретарь Кемеровского горкома ВКП(б) В.Г. Лоскутов направил первому секретарю Кемеровского обкома ВКП(б) В.М. Мокрушину докладную записку «О состоянии с руководящими кадрами на Новокемеровском химкомбинате». В документе отмечалось, что Министерство химической промышленности СССР неправильно подходит к укомплектованию комбината руководящими кадрами. В итоге на предприятии работала «значительная группа лиц, не заслуживающая доверия и по своей квалификации не обеспечивающая работу». Среди них – начальник планового отдела Кознов, старший инженер производственно-технического отдела Корецкий, директор ремонтно-механического завода Жуков, главный энергетик Гершкович, начальник технического отдела ремонтно-механического завода Зейман, инженер-химик Трахтенбройд, старшие инженеры производственно-технического отдела Ватман и Шенсон, заведующий электролабораторией Вердник, главный инженер комбината Систер. В филиале Государственного института азотной промышленности (ГИАП), действовавшем при комбинате, из 20 человек ИТР, выполнивших проектные работы, 8 оказались евреями. Горком партии, видя сложившееся положение ненормальным, считал необходимым поставить вопрос об изменении кадровой политики министерства [21. Л. 21–22].

Но определялась ли суть имевшихся проблем национальной принадлежностью кадров? Обратимся к анализу деятельности Кемеровского филиала ГИАПа, созданного в 1952 г. Он показывает, что за первый квартал 1952 г. установленный план выполнили на 63%, за второй квартал – на 75 и в августе того же года – на 70%. Невыполнение производственного плана объяснялось в первую очередь отсутствием квалифицированных кадров, обладавших опытом проектирования азотных заводов. Из имевшихся в штате 47 чел. с опытом проектных работ были только двое, отсутствовала техническая учеба работников. В подготовленных проектах имелись ошибки. Выделенные для работы помещения оказались недостаточными. В результате на заседании партийного бюро Новокемеровского химкомбината, состоявшегося 17 сентября 1952 г., директора филиала М.Б. Мокса обязали принять меры по укомплектованию учреждения квалифицированными кадрами, организовать техническую учебу в целях повышения квалификации сотрудников [22. Л. 265–267]. Как видим, следовало искать реальные причины экономических просчетов, носившие совсем не «национальный» характер.

Активно задействованный с началом кампании принцип «засоренности кадров» использовали для нанесения точечных ударов по национальной интеллигенции. В 1950 г. оказалась вскрытоей нетерпимая ситуация с кадрами, сложившаяся в Алтайском краевом управлении связи. Крайком партии 1 ноября 1950 г. обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой о немедленном отстранении от работы главного инженера учреждения по фамилии Каэм. В коллективе управления насаждалась семейственность, угодничество, подхалимство, нарушилась финансовая дисциплина. В незаконно созданную проектно-сметную группу Каэм «включил свою жену Спасскую, Бердичевского, жену Бердичевского – Райзман, Бочарова, жену Бочарова, Вельмана, Мерс, Унгера и других работников аппарата». При этом грубо нарушалась финансовая дисциплина в выполнении проектно-сметных работ, ставших средством личной наживы. Сами работы проводились в рабочее время и некачественно. При попустительстве Каэм в управлении действовали лица, не внушающие доверия. Ввиду допущенных нарушений бюро Алтайского крайкома партии вынесло начальнику управления связи Матюхевичу выговор с занесением в учетную карточку. Строгий выговор с занесением в учетную карточку получил и сам Каэм [23. Л. 239–240].

Новосибирский обком ВКП(б) неоднократно поднимал вопрос о директоре завода № 564 Министерства сельскохозяйственного машиностроения СССР М.Я. Шнейдере как не справляющемся с работой. В сентябре 1950 г. обком партии обращался в отдел машиностроения ЦК ВКП(б) и в Министерство сельскохозяйственного машиностроения СССР, в апреле 1951 г. – к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову [24. Л. 168, 169; 25. Л. 195]. Обком партии отказал в доверии С.У. Троянкеру, управляющему трестом «Сибспецстрой». Об этом он информировал отдел тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) в феврале 1951 г. В тресте обнаружились нарушение принципа подбора, расстановки и воспитания кадров, бесхозяйственность, нарушения финансовой

дисциплины и растраниживание средств. На ответственные должности назначались лица, не внушающие доверия. Здесь царили «семейственность и благодушие в работе». В итоге трест долгое время не выполнял государственный план [25. Л. 194].

Томский горком партии в 1952 г. курировал «дело Б.М. Быховского». Инженер возглавлял технический отдел Томского отделения Всесоюзного государственного проектного института «Теплоэлектропроект». Ранее Б.М. Быховский работал в Ленинградском отделении института (с 1931 г.). Последняя занимаемая должность – главный инженер проекта при техническом отделе. Из Ленинградского отделения он был уволен 1 августа 1951 г. в связи с «чисткой» кадров. Затем московское руководство института направило специалиста в Сибирь. Бдительный секретарь партийного бюро Ленинградского отделения института посчитал «своим долгом сообщить» в Томск о «темных пятнах» в биографии Б.М. Быховского.

Оказывается, Б.М. Быховский был евреем, но не афишировал свою национальность. В прошлом состоял в партии меньшевиков, подозревался в службе у белогвардейцев, получил отказ на вступление в партию. Имел родственников за границей. Его брат подвергался репрессиям. Инженер неоднократно пытался защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, но не смог ничего добиться по причине несоответствующей характеристики с места работы. Не помогло соискателю и награждение орденом «Знак Почета» за трудовые заслуги в военные годы. В Томском горкоме партии изложенное приняли во внимание и решили проверить «канкетные данные» Б.М. Быховского. Нам неизвестно, были ли приняты в отношении инженера какие-либо меры. Очевидно, что он пополнил списки «неблагонадежных» ИТР [26. Л. 46–46об.].

Сомнительные биографические данные могли стать основанием для репрессий в отношении инженерно-технических работников. Подтверждением тому выступают события в Алтайском крае. К., 1902 г. р., уроженка Полоцка Витебской губернии, еврейка, до ареста работала на Бийской обувной фабрике. В 1920–1930-е гг. подвергалась преследованиям за принадлежность к меньшевистским организациям. В последний раз осуждена Особым совещанием при НКВД СССР 3 декабря 1937 г. по ст. 58–10, 58–11 УК РСФСР на 5 лет ИТЛ. После освобождения в 1947 г. (ее задержали в лагере в связи с войной) проживала в Бийске. Первоначально работала экономистом-плановиком Бийской обувной фабрики (с 1947 г.), затем – начальником планово-производственного отдела предприятия (с 1948 г.). Арестована Управлением МГБ по Алтайскому краю 13 февраля 1950 г. Осуждена Особым совещанием при МГБ СССР 3 июня 1950 г. по ст. 58–10, 58–11 УК РСФСР «за принадлежность к антисоветской меньшевистской организации». В приговоре значится ссылка на поселение в Акмолинскую область Казахской ССР [27. Л. 15, 54–55, 63].

Сценарий следующего уголовного дела практически копирует предыдущий. Г., 1903 г. р., уроженец Одессы, еврей, до ареста работал старшим экономистом жилищно-коммунального отдела Алтайского тракторного завода. На протяжении 1920-х – 1930-х гг.

подвергался репрессиям как участник меньшевистских организаций. 2 сентября 1937 г. осужден тройкой УНКВД по Западно-Казахстанской области по ст. 58–10, 58–11 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. После освобождения в 1947 г. проживал в Бердске Новосибирской области, с 1948 г. – в Рубцовске. Арестован Управлением МГБ по Алтайскому краю 5 июня 1950 г. Осужден Особым совещанием при МГБ СССР 6 сентября 1950 г. по ст. 58–10, 58–11 УК РСФСР «за принадлежность к меньшевикам и антисоветскую агитацию». Мерой наказания определена ссылка на поселение в Красноярский край [28. Л. 65–67, 71].

Меры воздействия в отношении неугодных лиц также отражает судьба Г.Х. Вейцмана, 1899 г. р., уроженца Одессы, еврея, бывшего управляющего строительно-монтажным трестом «Томскстрой». Он был отстранен от работы Томским обкомом ВКП (б) в марте 1951 г. За производственные ошибки осужден Томским областным судом 2 декабря 1951 г. к 2 годам ИТЛ (в лагерь не отправлен). Но 9 февраля 1952 г. был арестован Управлением МГБ по Томской области. 20 мая 1952 г. осужден Томским облсудом по ст. 58–10 (ч. 2) УК РСФСР к 10 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах. Основой для вынесения приговора послужили обвинения в еврейском национализме, антисоветской агитации (клевета на советскую национальную и внешнюю политику). Отбывал наказание в Южкузбасслаге МВД СССР [29. Л. 28–29, 30–33].

Завершающей акцией кампании по борьбе с космополитизмом стало «дело врачей». 13 января 1953 г. «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей». В нем говорилось о раскрытии органами государственной безопасности «террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В сообщении приводился список участников «группы» – виднейших советских медиков. Это профессор М.С. Вовси, врач-терапевт; профессор В.Н. Виноградов, врач-терапевт; профессор М.Б. Коган, врач-терапевт; профессор Б.Б. Коган, врач-терапевт; профессор П.И. Егоров, врач-терапевт; профессор А.И. Фельдман, врач-отоларинголог; профессор Я.Г. Эtinger, врач-терапевт; профессор А.М. Гринштейн, врач-невропатолог; Г.И. Майоров, врач-терапевт. Названных «врачами-убийцами» заклеймили и как наемных агентов иностранной разведки. Сообщение ТАСС дополнялось передовой «Правды» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Она содержала вывод о необходимости усиления революционной бдительности, о важности борьбы с вредительством и способствующим ему ротозейством [30].

«Дело врачей» придало новый импульс наступлению на инженерно-технических работников Западной Сибири. На предприятиях Омска получил продолжение процесс «замены несоответствующих работников». В течение 1952 г., января и февраля 1953 г. на заводе им. Баранова на ответственные должности выдвинули 202 молодых специалиста. Они пришли на смену кадрам, которые отрицательно зарекомендовали себя на работе и не внушали политического доверия. В числе последних оказались заместитель главного констру

тора Нитченко, главный металлург Колчинский, начальники цехов Кисельгоф и Ратнер, начальник административно-хозяйственного отдела Ровнер и др. Пере-смотрели состав руководящих кадров и на заводе резино-технических изделий. Здесь в первую очередь фигурировал факт отстранения от работы Утвенко, возглавившей отдел технического контроля. В период войны она побывала в оккупации.

В Омске произошел случай, показательный с точки зрения идеологии. Ленинский райком КПСС исключил из партии бывшего главного инженера паровозной службы управления Омской железной дороги С.А. Дворжеца. Причиной тому послужила «связь с врачами народа – врачами-человекоубийцами, шпионами американской разведки Вовси и Коган». Партийного билета лишили и жену С.А. Дворжеца – И.Г. Лехем, преподавателя музыкального училища [31. Л. 41–42].

Руководство Алтайского края было обеспокоено наличием «политически неблагонадежных» работников на Алтайском тракторном заводе, Алтайском вагоностроительном заводе, Барнаульском котельном заводе. Так, заместитель главного технолога Алтайского тракторного завода Б.Н. Модылевский являлся сыном кулака, исключался из партии. На этом же предприятии теплосиловой цех возглавлял С.А. Гусаков, бывший сыном торговца и имевший осужденную сестру. Главный технолог Алтайского вагоностроительного завода И.А. Любарец происходил из семьи кулака. Начальник отдела технического контроля завода З.Л. Лившиц в свое время участвовал в «троцкистской оппозиции на Украине». Несколько ответственных работников Барнаульского котельного завода имели родственников, проживавших за рубежом. Это начальник инструментального отдела Ю.Л. Гандин, начальник конструкторского бюро Б.М. Спивак, начальник отдела капитального строительства А.Г. Злобинский.

Вызывала беспокойство «значительная концентрация лиц еврейской национальности» среди инженерно-технического персонала предприятий. Так, на Алтайском тракторном заводе на руководящей работе находились 293 еврея, на Барнаульском котельном заводе – 65 евреев. В связи со сложившейся ситуацией в январе 1953 г. Алтайский крайком партии обратился в ЦК КПСС с просьбой о помощи в решении кадрового вопроса для трех названных предприятий [6. С. 355–356; 32. Л. 107–111].

Томский обком КПСС и областное управление МГБ «взяли на контроль» «объект 601» МВД СССР (атомный объект). На руководящих должностях строительства «обнаружилось» 82 чел., евреев по национальности. Они трудились в управлении, в строительных районах и медицинских учреждениях. Непосредственно в структуре управления работало 10 человек «подозрительной» национальности. Незамедлительно в действиях некоторых ответственных работников обнаружилась «антигосударственная практика». На ряд руководителей из числа евреев имелись компрометирующие их сведения. Ввиду занимаемой должности «пронивившимся номер один» стал А.Б. Марочник, заместитель главного инженера управления строительства и начальник отдела технической инспекции. Он скрыл один из фактов своей биографии. Оказывается, брат А.Б. Марочника – В.Б. Марочник – был дважды осужден. В результате

заместителю главного инженера и его жене Т.Г. Виницкой, старшему инженеру-экономисту планового отдела управления строительства, было отказано в допуске к работе [33. Л. 158–170; 7. С. 113–115].

В связи с началом массовой кампании вокруг «дела врачей» в Новосибирске внимательно следили за подбором и расстановкой кадров на предприятиях города. Случаи обнаружения «неподходящих» кадров контролировались горкомом партии. В январе 1953 г. Новосибирский горком КПСС вынес партийное взыскание директору завода радиодеталей «за потерю бдительности». Директор утвердил в должности главного технолога инженера, исключенного из партии как троцкиста. «Засоренность руководящих кадров» выявили на стрелочном заводе. В частности, здесь старшим инженером отдела главного технолога работал даже гражданин США [34. Л. 204, 210–211]. На заводе сельхозмашиностроения и электровакуумном заводе было зафиксировано негативное отношение рабочих к пребыванию евреев на ответственных постах предприятий [35. Л. 11–12].

Наступление на ИТР в период «дела врачей» не получило завершения. Оно было постепенно свернуто после смерти И.В. Сталина в марте и реабилитации «врачей-вредителей» в апреле 1953 г. Соответственно, в 1953 г. прекратилась и кампания по борьбе с космополитизмом.

Анализ наступления на инженерно-технических работников Западной Сибири в период борьбы с космополитизмом позволил выявить три основные формы проходившего процесса: контроль за составом кадров, «чистка» кадров, репрессии. Местные органы власти имели в своем распоряжении списки «неблагонадежных лиц», которые могли становиться основой для проведения кадровой «чистки». В то же время следует предположить, что они использовались «по назначению» не всегда. В условиях послевоенного дефицита квалифицированных производственных кадров местным властям и руководству предприятий приходилось оставлять на ответственных должностях «политически неблагонадежных» и ограничиваться функцией контроля.

«Чистка» кадров выступала средством воздействия на ИТР. Поводом к устраниению того или иного лица были сведения компрометирующего характера. Постепенно их перечень стал традиционным (социально-чуждое происхождение, судимость «за антисоветскую деятельность», исключение из партии, служба в белых армиях, принадлежность к «антисоветским партиям», пребывание на оккупированной территории, «неблагонадежные» родственники, родственники за границей, национальная принадлежность, «чуждые» взгляды и поведение). Проводились как «чистка» кадров, так и устранение отдельных лиц.

Непосредственные репрессии в Западной Сибири связаны с «делом КМК» и уголовными делами на отдельных представителей ИТР. Но имеющиеся сведения не позволяют сделать вывод о массовом характере преследований, подобном довоенному «большому террору». Названный момент при наличии необходимых архивных документов может составить самостоятельную тему исследования. В заключение отметим, что политика, проводившаяся в отношении инженерно-технических работников в период борьбы с космополи-

тизмом, не была сориентирована только на национальную принадлежность кадров. Особые условия для это-

го создавало «дело врачей», которое несло в себе возможность эскалации репрессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2003.
2. Чуднов И.А. Общественно-политические факторы развития промышленности Западной Сибири в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993.
3. Горбатов А.В. Церковно-государственные взаимоотношения в Кемеровской области (1943–1969 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1996.
4. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.). Красноярск: Кларетианум, 2003.
5. Безруков Г.Н. История политических репрессий в Алтайском крае (1919–1965 гг.) // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965 / Отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2005.
6. Демина С.М. «Дело врачей»: региональный уровень // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: Научные и документальные материалы / Отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005.
7. Юшковский В.Д. Жернова. События и судьбы века минувшего. Красноярск: Кларетианум, 2001.
8. Правда. 1949. 28 янв.
9. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 2. Д. 390.
10. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 432.
11. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 449.
12. Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области (НФ ГАКО). Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 792.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 119. Д. 273.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9474. Оп. 16. Д. 403.
15. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации. 1938–1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковleva; Сост. Г.В. Костырченко. М.: МФД: Материк, 2005.
16. ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 1. Д. 185.
17. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1698.
18. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 66. Д. 212.
19. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае Т. VI: 1945–1965 / Отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2004.
20. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. П-1. Оп. 90. Д. 98.
21. ГАКО. Ф. П-15. Оп. 10. Д. 56.
22. ГАКО. Ф. П-231. Оп. 1. Д. 10.
23. ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 88. Д. 101.
24. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 14. Д. 3.
25. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 15. Д. 9.
26. ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 4. Д. 620.
27. Отдел специальной документации управления архивного дела администрации Алтайского края (ОСД УАДААК). Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5396.
28. ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4664.
29. ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 38036.
30. Правда. 1953. 13 янв.
31. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО). Ф. 14. Оп. 6. Д. 135.
32. ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 91. Д. 54.
33. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923.
34. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 17. Д. 87.
35. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 17. Д. 20.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 февраля 2009 г.